

КНИГИ МАРЫ ВЕРЕСЕНЬ:



- 1. Некромантия. Практическое пособие**
2. Некромантия. Задачи и упражнения
3. Время вороньих песен
4. Осколки тени и света
5. Некромантия. Повышение квалификации
6. Ненависть и свет между нами
7. Крылья пепла

МАРА
ВЕРЕСЕНЬ

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ Некромантия



RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84-4(2Рос=Рус)
В31

Вересень, М.

В31 Некромантия. Практическое пособие / М. Вересень. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 544 с. — (Некромант и Я).

ISBN 978-5-521-90287-3

Есть такая профессия — мертвое поднимать. Только поступая на факультет некромантии, помните: любовь до гроба может значить совсем не то, что вы думаете, мертвецы еще те любители рассказывать сказки, а копать отсюда и до рассвета — реально, если ты практикант штатного некроманта. Ну и что, что ведьма? Половинка темной крови тоже не баранчихнул. А потом случился ОН — мастер-некромант Холин, мой куратор по практике. И понеслось. Гарпии, мертвецы, упыри, призраки, темные ритуалы и та сторона, где живым нет места.

И знаете что? Я ненавижу копать.

BIC FM
BISAC FIC027030

ISBN 978-5-521-90287-3

© Мара Вересень, текст, 2023
© Nina Neangel, обложка, 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ЧАСТЬ I

ПОЮЩИЕ
В ШИПОВНИКЕ



ГЛАВА I

Ночь была прекрасна, свежа и тиха. Хотя, нет, стойте, тихой она больше не была.

Я ревела белугой, выла гарпией, орала мартовской кошкой... Короче, издавала на диво поганые, как говаривала моя кормилица, звуки. Способностей к пению у меня отродясь не водилось, но папе, конечно, было виднее. Он же папа. И старше. И ведьмак. А потому воспитывали меня как полагается, ограничив мое детское стремление к свободе уроками этикета, истории и культуры, а также танцев, музыки и пения. И это помимо того, что в школе было. Хотя, честно признаться, в школе я отдыхала.

Еще у папы были брови. И он ими шевелил! Вот как накосячу, так и шевелил — угрожающе и со смыслом. Особенно левой, она у него более подвижная. Зато правый глаз — серый, более строгий. Вот он так на меня и смотрел, когда я на некромантию пошла. Стоял, руки за спину заложив, от греха подальше, глазом серым зыркал и левой бровью шевелил угрожающе.

Жаль, не послушалась. Четыре курса позади, практика впереди, перспектив никаких. Кроме замужа. Так что я сидела и выла, то есть пела. Старалась, как могла.



Рулады носились в воздухе, придавая ночи ни с чем не сравнимый колорит панихиды и легкий оттенок жути. А я погружалась в пучины памяти.

— Ну как такое чудное создание может исторгать из себя подобное? — умилялась Тоха, слушая мой очередной урок по вокалу.

Да, умилялась! Кормилица и нянька по совместительству, даром что почтенного возраста гномка была, трепетно любила всяческий неформат и искренне им восторгалась. До глубины всей своей широкой груди. Ручки на животе складывала, подбородочками в такт подергивала и умилялась. Страдания моего учителя тоже приводили ее в душевный трепет и в настроение. Учитель был тощим, как палка, и глаза навывкате, а Тоха тощих не любила. Вот и радовалась, когда он от музицирования моего изнывал и страдал безмерно. Во всяком случае, глаза закатывал очень интригующе.

Вот прямо как я сейчас. Ну, не закатываю, а на луну взираю, она высоко над кладбищем, желтая, как блин, и такая же ноздреватая, а я низко. В кустах. Колбуются. Но пахнут хорошо. Они — пахнут, я — пою. Из недавнего, нашумевший в магсети хит бойз-бенда «Черепки».

— И молода-а-яа-а-а не узна-а-аеэ-э-эт, какой у эльфа был...

Оборвав историю на самом интересном, меня с нездешней силой выволокло из шиповника, не щадя ни голых рук моих, ни самолюбия.

Нездешняя сила была представлена в образе злющего длинноволосого мужика с мятой физиономией, на которой трогательно отпечатались ручка, пара скрепок и монетка в один чар.





— ... , — ознакомившись с добытым, сообщили мне.

Я, конечно, подозревала, что не все впадают в благоговейный трепет от моей особы, однако чтоб вот так... Ни одного печатного слова? Нет, ну, может, я была слегка не в форме. Модное платье цвета «глубокий черный» и туфли на шпильке — не самая удобная одежда, чтоб по шиповникам выть... петть. Но даже девица с листьями в волосах и размазанной по вчерашнему лицу косметикой имеет право хотя бы на приличные предлоги в свой адрес.

Велеречивый, плотненько держа меня за загривок, выудил из кармана мятого черного балахона магфон, рявкнул в него: «Забирайте», вытряхнул из рукава наручники и, перекрыв пути к отступлению своим туловищем, отработанным движением зафиксировал меня за ограду. В пониже спины интригуяще уперлось что-то продолговатое. А потом завибрировало.

— Ой, — сказала я, загадочно кося глазом через плечо, — у вас там шевелится.

Патлатый оставил мой тыл, добыл из глубин еще один магфон, который окрасил его лицо в романтично-голубой. Побуравил гаджет припухшим глазом (вторым он за мной наблюдал) и добавил из непечатного. И на меня посмотрел. И вздохнул так, что я сразу устыдилась. На всякий случай. Потом он вздохнул еще раз и меня отстегнул, скучно и буднично. Даже прижиматься не стал, как в первый раз. Не то чтобы я расстроилась, но вдвоем было теплее. Ночка намечалась бодрая, а я вся в вырезах и разрезах. В кустах-то не поддувало, и у меня там уже практически гнездо было. Теплое и обсиженное.





Пока я мечтала о тепле, покинувшие ограду наручники щелкнули на моих запястьях, а любитель экзотического слова настойчиво подтолкнул меня в сторону от шиповника, где в тени кладбищенских ворот притулилась старая как мир колымага. Тьма! Да у нее даже колеса!

— Не-не-не, я в это не полезу. Сами убивайтесь. — И уперлась в дерн каблуками. Хорошо вошли, по самые подметки.

На меня укоризненно и устало поглядели оба глаза. По очереди. Я в очередной раз устыдилась и проблеяла про оставленное под сенью шиповника добро — сумку с магфоном, ключами от дома на брелочке-непотеряйке, а также позором всей жизни — направлением на практику. Именно из-за треклятой бумажки, внезапной любвеобильности своего бывшего, всплывавшего жаждой общения, паразита однокурсника и прочих всяких нехороших личностей с улицы я оказалась в кустах у кладбища, а не продолжала упиваться радостным окончанием сессии вместе с другими счастливыми.